

СЕКУЛЯРНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ ПЕТРА I

Автор: Л. А. АНДРЕЕВА

В XVIII в. в России взял старт процесс вестернизации социально-экономической и политической системы, направленный на преодоление и замену традиционных ценностей, которые стали рассматриваться как препятствие развитию страны, - новыми, модернизационными. С вестернизацией и модернизацией России неразрывно связан процесс секуляризации. Какое место этот процесс занимал в системе мер по созданию современного государства и общества, насколько он был полезен и неизбежен? Какую роль религия может играть в культуре, образовании, государственности модернизирующегося общества? Имеет ли синтез православной и западной культурных традиций прецеденты в истории страны? Эти вопросы приобретают все большее значение на фоне попыток возрождения роли религии в общественной и политической жизни современной России, а также стремления некоторых представителей власти позиционировать свою деятельность как преемственную по отношению к петровским реформам.

Рассуждая на эту тему, надо учитывать, что термин "секуляризация" - продукт западной мысли XIX в. Ранее это понятие употреблялось лишь в историко-правовом контексте для описания процессов перехода лица или вещи из духовного состояния владетеля в светское. "Расколдовывание мира" в Западной Европе последней трети XIX в. стало стержневым направлением развития естественных и социальных наук. В этом контексте термин "секуляризация" приобрел значение основополагающей понятийной категории, употреблявшейся для осмысления сущности западного общества. Под секуляризацией понималось ослабление ориентации индивидов, групп и всего общества на сверхъестественные инстанции и силы, что означало отказ от религиозного миропонимания на уровне сознания [Lubbe, 1965, S. 23]. В политической сфере процесс секуляризации проявлялся в ослаблении специфического религиозного влияния на текущую политику и на обоснование политических приоритетов [Lehmann, 1997, S. 5], возникновении элементов светской системы легитимизации власти, которая исключает апелляцию к сверхъестественной сфере.

Секуляризационный процесс не является линейным и протекает инвариантно в различных обществах. Для Европы он был обусловлен индустриальной революцией и связанными с ней изменениями в ментальных структурах (процесс рационализации). Истоки секуляризации и рационализации следует искать в эпохах Возрождения и Реформации. В России процесс секуляризации начинается в XVIII в. в период правления Петра Великого и неотделим от модернизации общества. Секуляризационные тенденции наиболее ярко проявились в сфере образования, культуры, политики.

А н д р е е в а Лариса Анатольевна - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра региональных и цивилизационных исследований РАН.

Секуляризационный процесс в области культуры и образования

Как известно, необходимость модернизации была обусловлена тем, что в конце XVII в. Россия по уровню социально-экономического развития значительно отставала от западного мира. В этих условиях интегрирующая роль православной культуры, ярко проявившаяся в эпоху создания централизованного государства в XV-XVI вв., не могла компенсировать слабости армии, отсутствия государственнической идеологии и необходимых в новых условиях специалистов. Реформы образования, проводившиеся в условиях доминирования православной церкви, не обеспечивали внедрения инновационных идеалов, профессионального знания, не могли стать основой новой системы образования. Образовательный процесс находился всецело под влиянием духовенства. В 1687 г. в Москве при Заиконоспасском монастыре была создана Славяно-греко-латинская академия - первое в стране высшее духовное учебное заведение. Но преподавание в ней ряда светских дисциплин (грамматики, риторики, философии и т.д.) не означало изменения *характера* образования. Авторитетнейший церковный историк А. Карташев констатировал, что верховный контроль патриарха и Собора над Академией "были как сами собой разумеющиеся" [Карташев, 1991, с. 252]. Сами идеи профессионального образования, системы образования были несовместимы с религиозно-исповедным взглядом на этот предмет.

Можно говорить о борьбе в образовательной сфере России XVII в. двух *религиозно-богословских* доктрин: латино-польской Сильвестра Медведева и ортодоксальной греческой, представленной братьями греками Лихудами и активно поддерживаемой Патриархом Московским Иоакимом. Показательно, что конфликт между патриархом Иоакимом и Сильвестром Медведевым возник по узкобогословскому вопросу - о времени преосуществления Святых Даров [Русское... 1989, с. 227]. В конце концов верх одержали сторонники московского патриарха, которые исключили влияние "латинствующих" на образовательный процесс в Славяно-греко-латинской академии. Однако и сами братья Лихуды впоследствии были устранены от преподавания по настоянию еще более радикально настроенного Патриарха Константинопольского Досифея, обвинившего в "латинстве" их самих [Карташев, 1991, с. 254]. Таким образом, для XVII в. очевидны прямое влияние религиозно-вероисповедной точки зрения на учебный процесс и отсутствие светских начал, на которые можно было бы опереться при взаимодействии с западной (светской) системой образования.

В результате такой политики в стране к началу XVIII в. практически отсутствовали специалисты, способные формировать государственническую идеологию и эффективно управлять государством, создать сильную промышленность, армию и флот. Потеря выходов к Балтийскому морю препятствовала развитию внешней торговли. После поражения в Нарвской битве (1700) Петр I осознал, что исход Северной войны напрямую зависит от того, сумеет ли русское общество реформироваться на западный лад, в частности создать систему светского профессионального образования.

Как следствие в России началось переосмысление традиционной православно-исповедной точки зрения на вопросы культуры и образования. Война со Швецией требовала большого числа командиров-специалистов в военном, морском, инженерном деле, а значит - создания *светских* военных школ. За период с 1701 по 1721 г. по указу Петра были открыты Артиллерийская, Инженерная, Навигацкая школы, Морская академия, медицинское училище, призванные дать технически грамотных специалистов, поскольку старая школа, всецело подчиненная церкви, не могла справиться с этой задачей [Агафонова, 2000, с. 5]. Наряду с военными учебными заведениями создаются и гражданские. В 1703 г. в Москве открылась частная гимназия пастора Глюка. В ней вместе с географией и другими науками преподавались латинский, древнегреческий, древнееврейский и западноевропейские языки, танцы, "галантное обхождение", верховая езда. Именно в царствование Петра I было положено начало светской сети начальной общей школы. В 1714 г. по его приказу в городах открылись "цифирные" начальные школы. Образовательная система Петра, строившаяся по образцу европейской, имела три сту-

пени - низшую, среднюю и высшую, включала и светское зарубежное обучение, осуществлявшееся за государственный счет.

Потребность в экономической модернизации страны повысила интерес к естественным наукам, которые решительно противостоят теологическим догмам и теологическому взгляду на мир. В целях развития технических и естественно-научных знаний в России в огромных количествах стала переводиться европейская литература. Издательская политика находилась всецело в руках императора. Чтение подобных книг приравнивалось к труду и должно было приносить реальную "общенародную пользу" [Черная, 1999, с. 79]. Книга выполняла функции вовлечения России в европейский культурный процесс. В 1708 г. Петр вводит новый гражданский шрифт (упрощено правописание и изменена графика шрифта). В 1710 г. последовал указ о разграничении шрифтов: старым церковно-славянским набирались только церковные книги, светские издания печатались новым гражданским шрифтом. Оформление цельной по содержанию и внешнему виду светской книги сыграло роль в обмирщении русского книгоиздательства [Краснобаев, 1985, с. 279]. С 1703 г. в России начинает выходить первая светская газета "Ведомости".

Для распространения естественно-научных знаний при Навигацкой школе в Москве была создана астрономическая обсерватория под руководством приглашенного в Россию шотландского ученого А. Форварсона. В целях исследования природно-естественных ресурсов Петр организует научные экспедиции. Велся поиск северного и южного (вокруг Африки) путей из Европы в Китай и Индию. Перед самой своей смертью в 1724 г. Петр подготовил экспедицию адмирала Беринга морем на север Камчатки, чтобы узнать - "сошлись ли Азия с Америкой". Впервые составляется карта Каспийского моря, получившая высокую оценку европейских ученых. Петровским указом 1718 г. заложена основа собирания научных коллекций, в частности, в Петербурге впервые открылся естественно-научный музей - Кунсткамера. Указом от 24 января 1724 г. император повелел учредить Академию наук, "где бы учились языкам, наукам и знатным художествам". Академики должны были изучать научную литературу в своей области знания, рассматривать новые изобретения и открытия. Каждый академик представлял учебный курс своей науки, написанный по-латыни с переводом на русский. Петр планировал учредить со временем университет с тремя факультетами: юридическим, медицинским и философским (характерно отсутствие в плане теологического факультета, обычного в западных университетах), а при университете - гимназию [Костомаров, 1992, с. 745 - 746].

Из-за отсутствия местных специалистов в Россию в гораздо большем масштабе, чем ранее, приглашались иностранцы (преимущественно немецкие и голландские протестанты), что нарушило конфессиональную изолированность как страны в целом, так и русской науки и культуры [Пекарский, 1862, с. 139].

Распространение новой светской культуры проявилось и в таких сферах жизни русского общества, как зрелищные массовые мероприятия, устраиваемые для горожан: триумфальные шествия, публичный светский театр, триумфальные арки, украшенные сценами из античной мифологии и истории, призванные выполнять общеобразовательные функции. Светское (секулярное) начало особенно сильно сказалось в изобразительном искусстве. Впервые появляются произведения на античные сюжеты. В портретной живописи полностью отказались от православно-иконографического типа изображения лица и фигуры. Символом европейской культуры становится новая столица - Санкт-Петербург, ставший первым русским городом открытого типа. Жилые постройки города, пространства садов и парков - все подчинялось идее открытого города. Сами императорские дворцы были окружены открытым пространством, что резко контрастировало со старой столицей - Москвой, где царский дворец был недоступен обозрению, находясь за высокими стенами крепости - Кремля (подробнее см. [Черная, 1999]).

Происходят кардинальные изменения, вызванные отказом от прямого регулирования церковными нормами правил поведения в быту. Для дворянских девушек и юношей издаются наставления по правилам поведения в обществе, которые резко отличались от

допетровских. Мода для высшего класса с приходом европейского платья становится абсолютно светской. Петр вводит европейский открытый дом и публичный образ жизни. Дворянство устраивает в своих домах маскарады, танцы, театральные постановки. 26 ноября 1718 г. Петр издает указ об "Ассамблеях", согласно которому повелевалось вечерами устраивать в дворянских домах собрания с танцами, игрой в карты, шахматы, фанты, курением табака. На этих ассамблеях в обязательном порядке должны были присутствовать женщины-дворянки, которых Петр таким образом вывел из изоляции [Костомаров, 1992, с. 630 - 631].

Жена Петра Екатерина была постоянной участницей ассамблей, причем ее роль не сводилась к чисто семейным или представительским функциям. Петр, особенно в последние годы жизни, "...все упорнее выдвигал свою помощницу Екатерину как хранительницу его доблестей и воплощение нового светского порядка. В царствующем мифе Екатерина была его двойником. В его сценарии она играла роль его создания, его Галатеи, символа европейской женщины и следовательно вестернизированного характера русской монархии" [Уортман, 2004, с. 100]. 15 ноября 1723 г. Петр издал указ о коронавании Екатерины. При этом особенно подчеркивалась ее роль в спасении от грядущей беды - пленения русских войск в Прутском походе 1711 г., когда она "мужески, а не женски поступала" [ПСЗ, 1830, N 4366]. Американский историк Р. Уортман - исследователь мифов и церемоний русской монархии - замечает, что манифест о коронавании Екатерины Алексеевны внес в образ императрицы новую ноту сексуальной амбивалентности, что вписывалось в классическое, секулярное по сути, западное представление о тождестве полов [Уортман, 2004, с. 101].

Символом Екатерины становится языческая богиня Минерва. Росписи стен и потолка Летнего дворца, законченные в 1713 - 1714 гг., представляли Минерву как в воинском, так и в мирном одеянии. Резная панель с изображением Екатерины в виде Минервы украшала кабинет Петра в Петергофе [Уортман, 2004, с. 101]. Богини Венера и Минерва олицетворяли новый тип женщины и доминирование европейской культуры. Фигуры богинь украшают дворцы императора и знати. В Летнем саду Петр разместил знаменитую Венеру Таврическую. "Статуи попирали и традиционные моральные чувства, и православное недоверие к трехмерным изображениям... Вместо самоотречения и христианской любви, вдохновленных Богоматерью, эти богини несли в себе западную неоплатоническую концепцию любви... Брак стал завершением любви, а не подчинением иерархии отцовской власти... Женская красота становится символом добродетели и мудрости, в стремлении к высшему миру разума сочетается эротическое и интеллектуальное" [Уортман, 2004, с. 87].

Вестернизация породила и изменения в представлении о типе человека. Место статичного человека занимает новый динамичный человек. Именно статичность - одна из характерных черт традиционного общества - была в допетровской Руси характеристикой истинно православного человека. Апологет православия св. Иосиф Волоцкий учил, что во "всяком деле необходимо коснеть и медлить" и только тот, кто "коснит и медлит", "бывает любим царем" [Послания... 1959, с. 298]. Герои так называемых "Петровских повестей" XVIII в. воплощают идеал нового динамичного человека. Матрос Василий ("Повесть о матросе Василии Корнетском") бороздит моря и океаны, кавалер Александр ("Повесть о кавалере Александре") преодолевает сопротивление родителей, не желающих отпускать его за границу для учения, другие герои страстно дерутся на шпагах, влюбляются до обморока, скачут на лошадях [Черная, 1999, с. 169]. Олицетворением такого нового, динамичного, открытого человека был сам Петр Великий. Рождение человека "нового типа" явилось результатом антропоцентричности культуры Нового времени. Вот как характеризует его Л. Черная в фундаментальном труде "Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени": "...это человек с рационалистическим мировидением, в котором "познающий Разум" преобладает над всем остальным; человек "открытый" не только в смысле открытого миру поведения, но и в смысле неопределенной неустойчивой ценностной ориентации, в которой нет однозначных доминант и приоритетов; человек, стремящийся ко всему новому и придер-

живающийся принципа новизны как руководящего жизненного принципа; подвижный не в смысле физической динамичности, а в смысле легкости и скорости усвоения нового, изменения старого и перемещения вниз и вверх по социальной лестнице... человек, осмысливающий и развивающий традиции как "традиции", отстранившись несколько от них и глядя из другого временного измерения" [Черная, 1999, с. 245].

Таким образом, распространение новой светской культуры, основанной на отказе от религии как главенствующего элемента всей системы культуры, стало началом процесса секуляризации в России в области культуры, быта и образования.

Секуляризация политической сферы

Усиление контактов со странами Западной Европы и потребность в социально-экономической модернизации способствовали развитию рациональных подходов к обоснованию общественно-политического порядка. Петр I в своей реформаторской деятельности уже не мог опираться исключительно и только на традиционные догматы божественного права. Уортман заметил, что Петр предложил новый образ монархии еще и не взявшись за реформы. Речь идет о праздновании Петром 30 сентября 1696 г. в Азове победы над крымскими татарами *римским триумфом*. Армия прошла под классической аркой, построенной по его распоряжению. С одной стороны свод и фронтон поддерживала фигура Геркулеса, с другой фигура Марса. Геркулес и Марс олицетворяли неодолимую сверхчеловеческую силу, которую Петр приписывал современной армии. Эти образы представили русским западные метафоры монарха-героя, монарха - античного бога. Триумф Петра объявлял, что русский царь обязан своей властью не предписанным божеством традициям наследования, а своим подвигам на ратном поле [Уортман, 2004, с. 68 - 69, 71].

Чтобы оценить и понять изменения в системе легитимизации власти, необходимо в общих чертах показать, как она выглядела в России в допетровское время. Начиная с "ЧИНА венчания" Ивана Грозного (середина XVI в.), русские цари провозглашались наместниками Христа на Земле [Барсов, 1883, с. 82]. Московское царство после крушения Византийской империи в 1453 г. провозгласило себя в качестве Третьего Рима "новым Ромейским царством" (идея переноса царственности), которое "стоит" вечно и является как образ Царствия Небесного вселенским царством [Послание... 1998, с. 342 - 343]. Таким образом, политическая легитимизация основывалась на представлении о земной иерархии как зеркальном отражении иерархии небесной. Царствие Небесное постулировалось как первообраз вселенского Московского царства, а Царь Небесный - как первообраз московского царя. Это неоплатоническое по существу мировоззрение рассматривало земную иерархию в качестве зеркального отражения небесной, и представлено псевдо-Дионисием в "Corpus Ageragiticum". Оно доминировало как в восточном, так и в западном средневековом христианстве. Титул наместника Христа был призван закрепить как светские, так и духовные полномочия властителя.

В XVII в. русский царь как наместник Христа сосредоточил в своих руках и светскую, и духовную власть. Ему принадлежало право инвеституры патриарха, он председательствовал на церковных Соборах, его мнение было выше мнения Соборов [Каптерев, 1996, с. 104]. Царь давал согласие на назначение клириков всех уровней. Как апофеоз цезаропапизма прозвучат на Большом Московском Соборе 1666 - 1667 гг. слова митрополита Константинопольского патриархата Паисия Лигарида о том, что *царь именуется Богом и имеет право на богоименование* [Каптерев, 1996, с. 243]. В это же время цари начинают причащаться в алтаре, как священники. После низвержения из сана патриарха Никона, который в противовес царю Алексею Михайловичу считал наместником Бога только себя, русский царь окончательно сосредоточивает в своих руках "оба меча". Между царем и Богом не было никаких земных посредников. *Идеи государства как таковой не существовало*. Московское царство постулировалось в общественном сознании как образ Царствия Небесного.

Введение Петром в русскую политическую мысль понятия государства как силы, стоящей *над* монархом, то есть *идеала государственности*, стало началом крушения традиционной религиозной модели легитимизации власти. Знаменательны в этом отношении слова, сказанные царем перед Полтавской битвой: "Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ее" [Костомаров, 1992, с. 605]. Свою деятельность Петр рассматривал не только как службу Царю Небесному, но и как службу Российскому государству. В связи с одной из своих побед над шведами он напишет о себе: "Я как начал *служить* (курсив мой. - Л. А.), такого огня и порядочного действия наших солдат не слыхал и не видал" [Ключевский, 1989, с. 193].

Характерны книги, которые царь отбирал в качестве учебных пособий для цесаревича Алексея Петровича. В "Наказе о воспитании цесаревича" царь велел "перевести Пуффендорфову малую книжицу "О должности человека и гражданина" на французский язык и в Голландии напечатать, дабы оное употреблять, яко введение в право всенародное и яко преддверие Гроция, или Пуффендорфа же "О праве естественном и народном", из которого следует основание всех прав" [Карташев, 1991, с. 325].

В самой постановке вопроса о приоритете государства, понимаемого с позиций естественного права, то есть в качестве инстанции, имеющей *секулярный источник происхождения*, заключена оппозиция традиционному пониманию власти, когда Царь Небесный является источником политической власти и верховным сувереном на Земле. Признание секулярного источника происхождения государства разрушило прежнюю модель, когда Российское царство в качестве последнего Вселенского царства постулировалось в рамках традиционной "политической" теологии как образ Царствия Небесного. Какое значение придавал Петр *идеи государства*, видно, например, из того факта, что он пожертвовал одним из фундаментальных принципов неограниченных монархий - старшинством в наследовании престола. Петр I ввел в российскую политическую мысль новый критерий оценки личности самодержца, который своими деловыми качествами должен соответствовать роли повелителя великой страны.

22 октября 1721 г. Петр I принял титул императора. Церемония носила светский характер. Инициаторы поднесения императорского титула - Сенат и Синод - действовали, как объявлялось, от "общего всех верных подданных лица", источником императорского звания царя признавалась *воля народа*, "всех чинов". Канцлер Г. Головин объявил Петра "Отцом Отечества, Петром Великим, Всероссийским императором". Принятие титула императора символизировало вступление в "сообщество политических народов", исход из тьмы невежества и варварства. Переименование предполагало культурную трансформацию. "Слово *Всероссийский* теперь означало не только правление многими народами, но и новую политическую сущность, принадлежность к имперской категории, к вестернизированной элитной культуре" [Уортман, 2004, с. 96]. В указе от 22 октября 1721 г. обосновывается преподнесение этого титула заслугами царя: "за высокую Его милость и Отеческое попечение и старание, которое Он о благополучии Государства во все время Своего славнейшего Государствования, и особливо во время прошедших Шведския войны явить изволил" [ПСЗ, 1830, N 3840].

Таким образом, в обосновании нового титула русского царя явственно проступило влияние европейской естественно-правовой теории. Прежде всего, был создан образ идеального "мудрого правителя". Этот "мудрый правитель" трудится на благо подданных (с точки зрения идеологических постулатов Нового времени конечная цель власти: "всенародная польза", "общее благо"). В этом отношении петровская идеология была в высшей степени рационалистической, легитимность его правления была основана на его вкладе в "общее благо" России [Уортман, 2004, с. 93]. Наконец, новый титул монарх получал от представителей "всех чинов" своего народа, что вполне соответствовало характерному для эпохи рассмотрению вопросов происхождения и форм светской власти вне теологических догматов [Агеева, 1999, с. 124].

Показательно, что юридически императорские регалии не были собственностью русских царей. При организации Камер-коллегии в 1719 г. Петр I впервые включил в ее

регламент параграф "О подлежащих государству вещах". Все императорские регалии (на тот момент царские) были признаны собственностью государства и выдавались царствующим особам "для временного употребления". Из государственного обихода были убраны византийско-русские инсигнии: Св. крест, бармы и Шапка Мономаха. Отмена византийско-русских знаков власти означала, что произошло обесценивание идеи "византийского наследия" [Агеева, 1999, с. 129, 135]. Следовательно, можно говорить о разрыве с одним из важнейших постулатов христианской "политической" теологии - идеей переноса царственности.

Антиклерикализм и православная вера Петра I

Секулярные тенденции в России были в определенной степени связаны с таким явлением, как *антиклерикализм*. Именно в эпоху Петра Великого в России впервые началась антиклерикальная кампания, организованная верховной властью. Это объясняется тем, что среди противников петровских реформ белое и черное духовенство занимало ведущие позиции. В делах Преображенского приказа судебные процессы над духовными лицами составляли около 20%. Они обвинялись в поношении царя, его мероприятий, в разбрасывании подложных писем, распространении порочащих царя слухов и т.п. [Голиков, 1957, с. 128 - 164]. Петр же, памятуя о папских притязаниях патриарха Никона и о финансовом могуществе церкви, стремился к нейтрализации ее влияния.

Начал император с публичной дискредитации Церкви как иерархического института. Запретив иерархам в 1700 г., после смерти патриарха Адриана, провести очередной Собор по избранию нового патриарха, он одновременно организовал "всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший Собор", состоявший из ближних к царю лиц и пародировавший церковную иерархию. Бывший учитель Петра Н. Зотов был назначен "всешутейшим патриархом", сам Петр носил титул протодиакона, а в 1706 г. появился и петербургский шутовской митрополит П. Бутурлин. В 1715 г. престарелого "всешутейшего патриарха" женили, "весь январь в Москве все были разодеты по указанию Петра в разные шутовские наряды, все шло в сопровождении грома музыкальных инструментов, медных тарелок, свистков, трещеток... с колокольным звоном всех московских церквей, с пьяными криками московской черни, которую царь приказывал поить вином и пивом с возгласами: "Да здравствует патриарх с патриаршей"" [Костомаров, 1992, с. 672].

Петр собственноручно написал чин избрания "шутовского патриарха", где действовали псевдо- певчие, попы, дьяконы, архимандриты и др. Пародировалось несение образа, эту роль играл "Бахус, несомый монахами великой обители". Выбирали шутовского патриарха из трех кандидатов. По окончании баллотировки, совершаемой яйцами, новоизбранного поздравляли и величали многолетием. За избранием следовало поставление, порядок которого также был составлен Петром. При этом громко возглашалось: "Пьянство Бахусово да будет с тобой" как альтернатива священным словам: "Благодать Святаго Духа да будет с тобой". Слова: "Отца нашего Бахуса, в нем же живем, а иногда и с места не двигаемся, и есть ли мы или нет - не ведаем" - явная пародия на Священное Писание: "...о нем же живем, движемся и есмы" [Костомаров, 1992, с. 673]. Завершающим аккордом было надевание первосвященнической шапки, все хором пели славославие "аксиос".

"Всепьянейший собор" был не разовой акцией, а проводился регулярно на протяжении полутора десятков лет. Стоит обратить внимание на дату собственноручного написания Петром последнего чина избрания всешутейшего патриарха - это 1717 г., когда царь ждал беглого царевича Алексея из-за границы и проводил дознание, в результате которого был раскрыт заговор против императора. Во главе заговорщиков стояло духовенство: митрополит Ростовский Досифей, митрополит Крутицкий Игнатий, митрополит Киевский Иосаф, духовник царицы Евдокии Федор Пустынный, юродивый Михайло Босой. В переписке с архиереями Алексей вынашивал такой план: "Когда будет мне время без батюшки (Петр в тот момент собирался за границу. - Л. А.), тогда я шепну

архиереям, архиереи - приходским священникам, а священники - прихожанам, тогда они меня, и не хотя, владетелем учинят" [Карташев, 1991, с. 335].

Антиклерикальным чином избрания и продолжавшейся деятельностью "всепьянейшего Собора" Петр публично демонстрировал неуважение к церковной иерархии. Но при этом он не допускал вольного обращения подданных со Священным Писанием и, в частности, нещадно побил будущего историка В. Татищева со словами: "Да ты же не с должным уважением касался и до неких мест Священного Писания, чем уже ты, бездельник, и успел соблазнить многих бывших с тобой в компании". Судя по отзывам современников, сам Петр был *внутренне верующим* человеком, а его кажущаяся антирелигиозность была направлена не против православной веры, а против церкви как социального института, поскольку именно черное и белое духовенство являлось одним из наиболее непримиримых врагов реформ царя. По воспоминаниям младшего современника царя А. Нартова, Петр был "истинный богопочитатель и блюститель веры христианской. Подавая собою многие примеры как блюсти веру христианскую, император говаривал о вольнодумцах и безбожниках: "кто не верует в Бога, тот либо сумашедший, или с природы безумный... Зрячий Творца по творениям познать должен". Колико Петр Великий не терпел суеверия, толико, напротив, божественные почитал законы и чтение Священного Писания, Ветхого и Нового Завета любил" [Карташев, 1991, с. 322].

Антиклерикальная кампания идейно подготовила административную ликвидацию старой церковной иерархии во главе с патриархом. В 1700 г. после смерти патриарха Адриана на его месте оказался только местоблюститель и администратор патриаршего престола Стефан Яворский (также замешанный в деле царевича Алексея). В 1720 г. началось обсуждение Духовного регламента, а также сбор подписей правящих архиереев и иных духовных лиц, которые должны были его подписать наравне с сенаторами. Удалось собрать 87 подписей, в том числе всех правящих иерархов, за исключением сибирского владыки [Русское... 1989, с. 245]. 25 января 1721 г. Духовный регламент обрел силу закона. Патриаршество было ликвидировано, учреждался высший коллегиальный орган: Духовная коллегия, позже - Святейший правительствующий Синод. Для обеспечения надзора со стороны государства за деятельностью синода вводилась должность его обер-прокурора. Высшая власть над Синодом принадлежала самодержцу - его председателю и "крайнему судии".

В регламенте имелись и положения, направленные против честолюбия епископов: "Ведал бы если епископ меру чести своя и не высоко бы о ней мыслил, и дело убо великое, но честь никаковая" [Русское... 1989, с. 247]. Епископы стали приносить присягу на верность не только государю, но даже "государеву интересу". Священникам вменялось в обязанность сообщать епископам о тех прихожанах, которые не исповедовались, и доносить в полицию об открытых на исповеди замышляемых или свершаемых преступлениях. Таким образом, в результате реформы Церковь оказалась подчинена *светскому* государству.

Активное участие в разработке церковной реформы Петра принимал архиепископ Псковский Феофан Прокопович, который был одним из ближайших сотрудников царя. Эта близость объяснялась схожестью их взглядов. Со своей первой встречи с царем в Киеве в 1709 г., когда Феофан произнес в Софийском соборе в присутствии царя проповедь, восхваляющую Полтавскую победу, и до самой своей смерти он оставался одним из убежденнейших сторонников реформ. Его мировоззренческие принципы можно охарактеризовать как деистические. В повседневности он придерживался светского образа жизни. Пользуясь особым расположением Петра, он открыто издевался над бытовым и церковным мракобесием. В 1716 г. Феофан пишет своему другу: "Может быть, ты слышал, что меня вызывают для епископства. Эта почать меня также привлекает и прельщает, как если бы меня приговорили бросить на съедение диким зверям. Дело в том, что лучшими силами своей души я ненавижу митры, саккосы, жезлы, свещники, кадилницы и т.п. утети. Прибавь к тому же весьма жирных и огромных рыб. Если я люблю эти предметы, если ищу их, пусть Бог покарает меня чем-нибудь еще худшим" [Карташев, 1991, с. 339].

О специфике религиозности псковского архиепископа говорит и один из доносов на него в послепетровское время. Ему приписывались следующие утверждения:

"5. О святых мощах чудотворения, которые-де в России ни были, вси-де ложни, и верить им не надлежит, а которые-де чудеса в книгах напечатаны, все ти неправедны суть...

14. Поклоны, умерщвление плоти или желез на плоти ношение ни к чему-де негодная вещь и дурная и никакой пользы, но вред телу и души творящая...

40. Мясо-де есть во вся среды и пятниц и в посты не грех... и сам ест, и всем домовни всегда есть велит же, и дядят явно" [Дело... 1882, с. 5 - 7].

Стоит отметить, что именно император Петр преследовал такие проявления культа, как "плачущие иконы", "чудесные видения", которые использовались противниками реформ в антипетровской пропаганде. Известен случай, когда он призвал во дворец священника, в церкви которого творились чудеса у иконы, и потребовал продемонстрировать их в своем присутствии. Не получив ожидаемый результат, Петр приказал отправить священника в крепость, наказать кнутом, а потом лишить сана [Костомаров, 1992, с. 670]. Император ввел запрет на хождение по улицам с иконами и святой водой. За "разглашение видений и чудес" полагалось телесное наказание с последующим вырезанием ноздрей и ссылкой на галеры.

Роль светского и религиозного сознания в новой концепции власти

Именно Феофан предпринял попытку теоретически обосновать новую триаду "*Бог-государство-самодержец*". По существу, это - эклектическое соединение положений Священного Писания и теории "общественного договора", ставившее целью легитимизацию власти самодержца посредством не только божественного, но и естественного права. Прокопович был хорошо знаком с трудами теоретиков естественно-правовой школы - Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуффендорфа и др. В его трудах получили обоснование *новые цели государственной власти*: вместо достижения Царствия Небесного и вечного спасения, "всякая власть верховная едину своего установления вину конечную имеет - всенародную пользу" [Карташев, 1991, с. 341]. Договорная система происхождения государства связывалась с теорией "общего блага". Один из основоположников естественно-правовой теории - Гоббс писал: "Договор, полагающий начало государству, заключается ради блага, которое должно быть получено сразу или которое должно быть приобретено в будущем" [Гоббс, 1964, с. 313]. Сам Петр уже в манифесте от 16 апреля 1700 г. провозглашал главной целью своей деятельности достижение общественного блага: "...все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные попечением о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние" [ПСЗ, 1910, Т. IV, с. 192].

В своих трудах Феофан четко сформулировал и мысль о тождественности народной воли воле Божьей: "...что народная воля... бывает не без собственного смотра Божия, но Божиим мановением движима действует". И совершенно *революционна* его мысль о том, "что народ правительской воли своей совлекся перед ним (самодержцем) и всю власть над собою отдал ему". Фактически признается, что именно народ - носитель суверенитета, государь же должен действовать по принципу: "Только бы народу не вредно и воле Божией не противно" (цит. по [Карташев, 1991, с. 342]). Таким образом, при Петре наглядно проявилась тенденция, когда в религиозную систему легитимизации власти внедряются секулярные компоненты.

Впоследствии никто из духовных лиц православной церкви не делал таких радикальных выводов, которые, по сути своей, шли вразрез с догмами традиционной христианской "политической" теологии. Итак, появился новый авторитет - "воля народа". Воля народа у Феофана Прокоповича трактуется как действующая лишь однажды, когда народ говорит своему избраннику: "Мы же, единожды волей воли нашей совлекшиеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употреблять не будем" [Карташев, 1991, с. 342].

Феофан выдвинул еще один постулат - о "долге", "обязанности" монарха, концепцию образцовой службы царя на троне, что подвело базу под идею патернализма (монарх - отец отечества и народа). Патернализм являлся средством и способом достижения "общего блага". Идея монарха - отца, опекающего и просвещающего свой народ, четко выражена во многих произведениях и документах той эпохи: "...понеже наш народ, яко дети. Неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда обучатся, потом благодарят" [ПСЗ, 1910, т. VI, с. 3708].

Царь уже не воспринимался исключительно как образ Иисуса Христа, а следуя естественно-правовой теории, превращался в светского абсолютного монарха, служащего "всенародной пользе". Следовательно, произошел отказ и от прежней сверхцели царя как образа Иисуса Христа - имитации своего первообраза.

Вне сомнения, псковский архиепископ даже мысленно не допускал ослабления самодержавной власти Петра, он лишь искал новые рациональные аргументы в ее защиту. Однако, пытаясь дать рациональное обоснование самодержавию, прибегая к постулатам естественно-правовой теории, Феофан подрывал монархию, основанную на божественном праве.

В исследовательской литературе довольно широко распространено мнение о том, что церковная реформа Петра привела к деформации отношений между церковью и самодержцем, ущемлению ее суверенных прав. Но ведь результатом реформы стало именно признание *de jure* той внешней формы властной модели, в соответствии с которой Римский кесарь выступал одновременно и как монарх, и как первосвященник (Вселенский Халкидонский собор 451 г. провозгласил многолетие "царю-первосвященнику, учителю веры"). Эта мысль отчетливо прослеживается в "Слове о власти и чести царской" Прокоповича: "Что ж речем о законах царских, где епископом, и пресвитером, и всему клиру церковному подаются различные уставы, повеления и за вину наказания! Много того види в составе законов древних, повелением Иустиниана собранных, которая кодекс именуется; много во афентиках самого Иустиниана, много в новеллах последних царей" [Феофан, 1961, с. 90]. Как в Восточной Римской империи, так и на Руси, патриархи играли всего лишь роль ширмы никогда не существовавшей "симфонии властей". Любые попытки церковных иерархов взять под свой контроль исполнение подлинно первосвященнических функций пресекались царями. Поэтому петровская реформа отношений царя и церкви закрепила юридически то состояние, в котором *de facto* пребывала допетровская Русь.

При этом, однако, внутренние формы традиционной теократической модели были наполнены новым, *секулярным* по духу содержанием. Петр практически скопировал европейскую модель власти абсолютного монарха, в основу которой были положены идеи естественного права. Если христианский царь имел целью служение Царству Божию, то высшей целью служения абсолютного монарха, с позиций теории естественного права, становилось земное царство с Церковью, подчиненной служению сугубо земной инстанции - государству, которое уже не постулировалось как образ Царствия Небесного.

Однако русский вариант взаимоотношений Церкви и монарха имел фундаментальное отличие от протестантской модели, с которой был скопирован. Протестантизм провозгласил принцип "оправдания верой" и в результате десакрализовал иерархию посредников между миром сакрального и миром профанного. Тем самым было положено начало тенденции десакрализации власти светских владык, несмотря на формальное принятие протестантскими государями титула главы конфессии. Протестантские владыки, даже будучи главой конфессии, не могли уже быть сакральными посредниками между земным миром и миром небесным. В силу того, что Россия не знала Реформации, русский царь, вплоть до упразднения института монархии в 1917 г., занимал первенствующее место в иерархии посредников между миром сакрального и миром профанного. Однако уровень теократической легитимизации русских императоров петербургского периода не мог уже сравниться с московским периодом.

Реформы Петра нарушили прежнюю взаимосвязь между миром сакрального и миром профанного, который перестал рассматриваться как земной образ своего Небесного (Божественного) первообраза. Но инкорпорация имеющего секулярное происхождение элемента - государства - в традиционную христианскую систему легитимизации власти всегда и всюду, рано или поздно, приводила к одному результату: крушению абсолютных монархий, основанных на божественном праве. С XVIII в. с началом эпохи вестернизации в России начался необратимый процесс секуляризации политического строя, который не был доведен до конца, а потому завершился в начале XX в. крушением власти последнего российского императора Николая II, считавшего себя "орудием Всевышнего, посредством которого Всевышний управляет Российской империей" [Витте, 1960, с. 331].

* * *

С начала XVIII в. процесс модернизации в России протекает прежде всего в форме вестернизации социально-политической системы, экономики и образования. Он неразрывно связан с процессом секуляризации, при котором религиозные ценности утрачивают доминирующие позиции в различных сферах общественной жизни и вытесняются новыми, светскими. Надо отметить, что секулярное начало в России явилось не в последнюю очередь следствием потребности в государственнической идеологии, которая *не могла сформироваться* в условиях доминирования религиозной системы легитимирования власти, на основе идеи православного царства. Именно эта новая, секуляризованная государственническая идеология, наряду с новыми формами управления, профессиональным знанием и ростом экономики, стала основой интеграции российского общества и роста могущества страны в XVIII-XIX вв.

Но культурного синтеза отечественной и западной традиций не произошло. Реформы императора Петра I "втокнули" Россию в эпоху Нового времени. При этом секуляризационные ценности являлись, по существу, "заимствованными" и перенесенными на русскую почву в ходе модернизации. Процесс взаимодействия традиционных религиозных и новых светских ценностей принял характер насильственного вытеснения традиционного новым. На мой взгляд, в России не сложилась традиция *диалога нового со старым*, что во многом предопределило и последующий ход исторического развития.

Не случайно подобное же соотношение традиции и инновации, духовного и светского наблюдалось и в начале XX в., когда царизм после долгих десятилетий секуляризации попытался вернуться к модели взаимоотношения власти и общества, характерной для допетровской Руси. Это способствовало возрастанию роли мистических и других иррациональных соображений в определении политики России, росту ее неэффективности и нестабильности власти.

Результатом стали крах традиционалистской государственной политики, самодержавного государственного строя, Российской империи и насильственное вытеснение всей суммы ценностей старой России новыми - коммунистическими. При этом само пришествие коммунизма в Россию можно рассматривать как новую волну вестернизации социально-экономической системы, которая проходила в специфической форме, но преследовала цели, подобные целям петровской модернизации. Дальнейшая секуляризация политической и общественной жизни России была для этого не менее необходима, чем в XVIII в., хотя она и приобрела уродливую форму "насильственной атеизации". В результате государственническая идеология была реконструирована на коммунистической основе, а СССР превратился в мощную индустриальную империю, преодолевшую техническую отсталость от стран Запада. Антиклерикальные кампании начала XVIII и XX вв. весьма схожи по методам проведения. Образ Петра I становится в коммунистическом государстве символом преодоления отсталости и проведения преобразований "железной рукой", разрушения старого мира и строительства на его обломках нового (см. также [Жукоцкий, 2006; Пастухов, 2004]).

В заключение отмечу как принципиально важную мысль о том, что Петр I как политик-западник не был исключением в России. Радикализм и эффективность его политики связаны с особенной формой сочетания в ней стремления к рациональности и секуляризации. Православные мыслители отмечали, что подлинно новой была его политика не в области внедрения западных государственных институтов, технологий или армейских уставов. "Новизна Петровской реформы, - писал Г. Флоровский, - не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом" [Флоровский, 1983, с. 82].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафонова А. С.* Формирование светской культуры в России. М., 2000.
- Агеева О. Г.* Имперский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999.
- Барсов Е. Ф.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. М., 1883.
- Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. Т. 3. М., 1960.
- Гоббс Т.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1964.
- Голиков Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957.
- Дело о Феофане Прокоповиче. М., 1882.
- Жукоцкий В. Д.* Лютер и Ленин: две культурологические модели Реформации // Общественные науки и современность. 2006. N 1.
- Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Т. 2. М., 1996.
- Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991.
- Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 4. М., 1989.
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 кн. Кн. III. М., 1992.
- Краснобаев Б. И.* Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985.
- Пастухов В. Б.* Русский неомарксизм // Общественные науки и современность. 2004. N 4.
- Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. В 2 т. Т. 1. СПб., 1862.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830; СПб., 1910.
- Послание Филофея дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину // *Синицина Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
- Послания Иосифа Волоцкого. М. -Л., 1959.
- Русское Православие: вехи истории. М., 1989.
- Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004.
- Феофан Прокопович.* Сочинения. М. -Л., 1961.
- Флоровский Г.* Пути русского богословия. УМКА-Press, 1983.
- Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
- Lehmann H.* Sakularisierung, Dechristianisierung, Rechristianisierung im neuzeitlichen Europa: Forschungsperspektiven und Forschungsaufgaben // Sakularisierung, Dechristianisierung im neuzeitlichen Europa: Bilanz und Perspektiven der Forschung. Gottingen, 1997.
- Lubbe H.* Sakularisierung: Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs. Munchen, 1965.